

Олег Ефимович Осовский (Саранск, Россия)

М.М. Бахтин и советский литературоведческий истеблишмент: конец одного мифа

Современное состояние бахтиноведения ставит перед исследователями большое количество самых разных вопросов – от глобальных до частных. При всем многообразии взглядов на М.М. Бахтина и его наследие, подходов и интерпретаций исследователи бахтинского творчества единодушны в одном – в понимании того, что к сегодняшнему дню сложилось несколько образов Бахтина: то, что мы условно можем назвать «Бахтин реальный или исторический», «Бахтин идеальный», и, конечно же, «Бахтин XXI века».

Все более отчетливо звучащая в последние годы мысль о «Бахтине XXI века» или о «Бахтине для XXI века» побуждает нас задаваться новыми вопросами и осмысливать старые, до сих пор не решенные проблемы бахтиноведения в новом ключе.

На мой взгляд, одна из важнейших задач, стоящих перед бахтиноведением, – это задача перечитывания Бахтина. Перечитывание в данном случае подразумевает не столько еще одно чтение бахтинских текстов из собрания его сочинений или небольшого количества других источников (здесь я прежде всего имею в виду тексты «Круга Бахтина» или то, что не вошло по каким-то причинам в собрание сочинений), но новое чтение-интерпретацию, дополняющую и уточняющую то, что было сделано в блестящем комментарии к семитомнику.

Два примера легко подтвердят обоснованность этой мысли. Прежде всего сошлюсь на профессора Виталия Махлина, не раз повторявшего, что Бахтин «еще не прочитан и не скоро будет прочитан». Рядом я поставлю замечательную фразу профессоров Э. Джейн Уайт и Майкла А. Питерса о необходимости «прочитать Бахтина с точки зрения педагогики» («Reading Bakhtin educationally»), которая провоцирует понятный ряд продуктивных продолжений – с точки зрения лингвистики, психологии, социологии, семиотики, истории и т.д. Таким образом, мы можем сказать, что понимание

необходимости нового прочтения Бахтина присутствует на всем пространстве бахтиноведения – от России до Австралии и Новой Зеландии.

Подчеркну, что новое прочтение Бахтина как основа его понимания включает в себя не только чтение бахтинских текстов, точнее сказать – не только чтение бахтинских текстов как текстов. Как свидетельствует удачный проект Светланы Дубровской – Анкета *Бахтинского вестника*, приуроченная к 125-летию Бахтина, у бахтиноведческого сообщества есть понимание насущной необходимости создания научной биографии мыслителя.

Несмотря на грандиозный труд и несомненные достижения в этой сфере Майкла Холквиста и Катарины Кларк, Виктора Дувакина, Семена и Ларисы Конкиных, Николая Панькова и Николая Николаева, эта задача по-прежнему не решена до конца и сохраняет свою актуальность. Замечу, что с каждым годом она становится все важнее, поскольку в отличие от бахтинистов старшего поколения, молодые исследователи в России и за ее пределами с трудом представляют реалии советской жизни, условия существования Бахтина в революционной и постреволюционной, сталинской, хрущевской и брежневской России, условия научной, культурной и педагогической жизни тех лет и т.д.

Если большая часть мифов уже написанной бахтинской биографии появилась из простого незнания конкретных обстоятельств, отсутствия документов или собственного мифотворчества Бахтина и его круга или их оппонентов, то сегодня к этому добавляется отсутствие реальных представлений современного поколения об этой жизни, непонимание исторической и политической обусловленности тех или иных событий бахтинской биографии и – как результат – порождение биографических конструкций, не имеющих ничего общего с биографической реальностью и историческим временем бахтинской жизни.

Задача нашего выступления состоит в том, чтобы показать причины возникновения мифа о Бахтине-«изгое» советского литературоведения:

– показать с опорой на вновь обнаруженные документы реальное место Бахтина в литературной жизни, в том числе и официальной жизни Ленинграда 1920-х – начала 1930-х гг., в научном и образовательном пространстве Саранска и Москвы середины 1930-х – начала 1970-х гг.;

– обозначить его взаимоотношения с ведущими представителями советского литературоведения как старшего поколения (условными ровесниками Бахтина), так и среднего и младшего поколений и влияния Бахтина на последних;

– выявить формы и способы интеграции Бахтина и его идей в советское литературоведение на рубеже 1960–1970-х гг., проанализировав деятельность Вадима Кожина и Сергея Бочарова и их единомышленников по восстановлению имени Бахтина в отечественной гуманитаристике. Их усилиями Бахтин предстает в сознании литературоведческого сообщества не только как автор работ о Достоевском и Рабле, но и ведущий теоретик романа.